

Милана Седина Юнона Стангард

Мой хоккеист. Золотой лёд

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Золотой лёд

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Золотой лёд / Ю. Стангард — «Автор», «Автор»,
2026

Чиновники решили превратить наш каток в склад, а женский хоккейный клуб «Рыси» — в воспоминание. Я, Майя Савельева, не отдам им ни команду, ни дело моего отца. Поэтому бросаю вызов Илье Беркутову — легендарному хоккеисту, которого после травмы и предательства списали со счетов. Он входит в зал с тростью и закладывает чемпионский перстень ради наших девчонок. Теперь он наш главный тренер. Суровый, несговорчивый и слишком опасный для моего спокойствия. Мы спорим над тактической доской, спасаем клуб и учимся держаться друг за друга. Но чем ближе решающие матчи, тем грязнее играют наши враги. На кону — будущее «Рысей». И сердце, которое я точно не собиралась отдавать Беркутову.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Милана Седина

Мой хоккеист. Золотой лёд

Мой хоккеист. Золотой лёд

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Я стояла за дубовой кафедрой зала заседаний, вцепившись пальцами в полированный край до белизны суставов. В зале пахло остывшим кофе, казенной полиролью и цитрусовым одеколоном начальника департамента. Перед девятью членами попечительского совета арены «Кристалл» лежали стопки моего финансового отчета. Дефицит в два миллиона восемьсот тысяч рублей я выделила красным сама, надеясь на открытый разговор о субсидии.

Наивная дура.

Напротив меня в кожаном кресле сидел Вадим Петрович Свиридов. Сытый, в синем костюме с депутатским значком. Его пальцы лениво постукивали по перьевой ручке.

— Майя Алексеевна, избавьте нас от комсомольской лирики, — Свиридов щелкнул тумблером селектора, глуша микрофон на моей стойке. Мембрана визгнула. — Женский хоккей в области — чемодан без ручки. Ни рейтингов, ни спонсоров. Лед «Кристалла» передается строительному холдингу под распределительный центр стройматериалов. Решение согласовано. Распишитесь в уведомлении.

Члены совета дружно опустили глаза в столешницу.

— Согласно пункту четыре-два регламента Минспорта, — я заставила голос звенеть под лепным потолком, посылая звук диафрагмой, как учили в фигурном катании, — муниципальная арена первой категории не имеет права перепрофилировать лед при наличии команды все-российского реестра. Договор ЖХК «Рыси» действует до мая!

— Регламент изменен вчерашним постановлением губернатора об оптимизации спорт-объектов, — Свиридов брезгливо поддел страницу ногтем. — Вы опоздали на сутки. Подписи, коллеги.

Трое слева подняли руки. Секретарь уже заносила ручку над графой «единогласно».

— Подождите голосовать! — я швырнула на сукно веер подписных листов. — Четыреста двадцать подписей. Родители ДЮСШ, заводчане, ветераны спорта. Попробуйте отдать каток под цемент, Вадим Петрович. Копия ляжет прокурору области через сорок минут вместе с актом проверки вашей закупки компрессоров.

Лицо Свиридова окаменело, затем расплылось в гадкой усмешке. Он скомкал верхний лист и бросил в корзину:

— Макулатура. Охрана, помогите гражданке Савельевой покинуть зал.

Двухметровый чоповец шагнул ко мне, протягивая тяжелые руки в перчатках. Я впиалась ногтями в дерево кафедры:

— Тронь меня — и сядешь. Ты пожалеешь об этом, Свиридов. Ровно через десять секунд.

В этот миг тишину коридора разорвал глухой удар.

Дубовые двери зала с грохотом распахнулись. Карбоновый наконечник трости жестко врезался в наборный паркет. В проеме вырос Илья Беркутов.

Он казался монолитом. Черное пальто нараспашку, плечи перекрывали дверной створ, свитер облегал мощный торс. На скуле белел рваный шрам от конька, а в серых глазах горело холодное пламя, из-за которого в КХЛ его звали Беркутом. Мой ночной вызов с тридцатью страницами тактического аудита и фразой: *«Или ты догнываешь на пенсии, или доказываешь, что тебя рано списали»* — сработал.

Беркутов шагнул вперед, чуть припадая на правую ногу, но держа спину идеально прямо. Чоповец испуганно вжался в косяк.

— Здесь закрытое совещание! — Свиридов привстал с кресла. — Вон отсюда, Беркутов! Ваша слава осталась в Москве!

Илья дошел до стола, упер трость в паркет и посмотрел на чиновника сверху вниз. Затем бросил на раскрытый протокол лист с синей шапкой:

— Заявление о назначении главного тренера ЖХК «Рыси». Входящий Минспорта девятьсот три дробь два. Зарегистрировано министром полчаса назад. Вопросы?

Свиридов побледнел. Кулуарный распил арены рушился.

— Кандидатура громкая, Илья Владимирович, — выдавил он. — Но у клуба долг за лед два миллиона восемьсот тысяч. Срок оплаты — сегодня в полдень. Нет денег — договор расторгается автоматически. У вас есть три миллиона наличными? Нет? Разговор окончен.

Беркутов не ответил. Он стянул с безымянного пальца массивный перстень из белого золота. Перстень чемпиона с темно-синими сапфирами и бриллиантовой надписью: «Кубок Гагарина — Капитан». Металл с гулким стуком упал на стол перед Свиридовым. Рядом легли банковская выписка и договор займа под залог перстня. После совещания Илья должен был передать его оценщику; деньги уже поступили клубу.

— Три миллиона двести тысяч в ломбардной оценке, — отчеканил Беркутов. — И три миллиона живыми на спецсчете клуба. Это мой личный гарантийный взнос. Забирайте долг и выписывайте допуск на сезон. Сейчас же.

Свиридов отпрянул, словно от огня. Сгреб бумаги и бросился к выходу, но в мраморном фойе дорогу ему преградила Тома со стедикамом:

— Прямой эфир городского портала, Вадим Петрович! Четырнадцать тысяч зрителей онлайн. Повторите, почему вы отказываетесь принять гарантийный взнос олимпийского чемпиона?

Свиридов оскалился резиновой чиновничьей улыбкой:

— Мы всемерно поддерживаем женский хоккей! Утверждаем Илью Владимировича единогласно! — он черкнул закорючку на акте допуска, сунул планшет мне и прошипел на ухо: — В воскресенье контрольный матч с серебряным призером лиги, «Арктикой». Проиграете с разницей в три шайбы — снимем за профнепригодность.

Чиновники поспешно скрылись.

Мы остались вдвоем у панорамного окна. Внизу поблескивал свежий лед. Пахло холодом и аммиаком.

— Мне не нужны твои спасибо, Савельева, — бросил Илья. — И сопли с камерами не нужны. Ты прислала дерзкое письмо — я приехал. С этой секунды команда моя. Раскатка через сорок минут. Не лезь под руку.

Я подошла вплотную, задрав подбородок к его жестким глазам. От пальто веяло морозом и табаком:

— Лед будет залит через тридцать минут, тренер Беркутов. Но правила диктую я. Расписание составляю я. Контракты подписываю я. И если ты вздумаешь ломать девчонок через колено, как в мужиках, — вылетишь быстрее, чем перстень вернется из ломбарда. Здесь команду спасаю я. А ты учишь их забивать. По рукам?

Мускул на его скуле дрогнул, в глазах блеснула искра уважения:

— По рукам, генеральный менеджер. Показывай своих калек.

* * *

Я захлопнула дверь кабинета и задвинула щеколду. На плитке захлебывался старый чайник. Илья сбросил пальто на вешалку и без церемоний опустился в мое кресло, вытянув правую ногу вперед.

— Встаньте с моего кресла, Беркутов, — я выключила плитку. — И ответьте: зачем олимпийскому чемпиону нищий клуб-банкрот? Решил примерить нимб спасителя для столичной прессы?

Илья прищурился:

— Кресло скрипит, Савельева. А насчет причин... думаешь, я купился на твои отчеты?

Я уперлась ладонями в стол, наклоняясь к его лицу:

— Я знаю, что тебя растоптали после финала Кубка. Сделали крайним и закрыли дорогу в топ-клубы. И знаю, что никто не даст тебе карт-бланш. Я даю этот шанс. Но если ты здесь ради красивой картинки — уходи сейчас.

Беркутов поднялся, нависая надо мной всей двухметровой мощью:

— Твоя записка... Ты единственная поняла, почему мы слили седьмой матч. Расписала предательство моих защитников точнее штаба. Ты видишь игру костями, Савельева. Поэтому я здесь. А теперь покажи схемы.

Он повернулся к доске, где магнитами стояла наша схема: глухой откат «один-два-два».

— Это хоровод на утреннике, — Илья сгреб магниты ладонью. — Сидите на синей линии и ждете, пока вам оторвут голову. Мы пойдем в агрессивный форчекинг в три нападающих до чужих ворот!

— Не смей! — я перехватила его горячее, жесткое запястье. Он был сильнее втрое, но я не разжала пальцев, возвращая магниты на место. — Моим девочкам по девятнадцать лет! У них нет массы канадских профи. Они сдохнут на десятой минуте, а за силовую борьбу судьи Свиридова выпишут нам сорок минут штрафа!

— Если стоять на месте — сдохнут быстрее, — Илья смотрел на мои пальцы на своей руке, и его дыхание углубилось.

— Побеждает не вес, а скорость мысли! — я схватила синий маркер и провела плавную дугу через нейтральную зону. — Контроль свободного льда. Плавный вход, скрещивание траекторий. Не бить в тело, а уводить опеку реберным скольжением.

Илья взгляделся в петлю. Ярость сменилась азартом. Он красным маркером перечеркнул дугу от борта к пятаку:

— Назовем это «пять в движении». Ромб со сменой позиций. Пошли на балкон, гляну лед вживую.

Он выбил створку перекошенной двери и шагнул на служебный балкон. Воздух пахнул свежестью и крошкой льда. Оставив трость у перил, Илья сделал шаг вниз по служебной лестнице.

На третьей ступеньке раздался звук. Сухой, омерзительный хруст ломающейся ветки.

Его правая нога подогнулась. Центнер веса рухнул вперед, прямо на бетонный угол.

Рефлексы фигурного катания сработали мгновенно. Я нырнула под его корпус, подставила плечо под мышку и обеими руками вцепилась в его ребра, вжимаясь спиной в поручень и принимая тяжесть тела на себя.

Мы замерли в сантиметре от бетона.

Илья тяжело выдохнул мне в шею горячим прерывистым дыханием. От острой боли его пальцы судорожно впились в мою талию, прижимая меня к себе с сокрушительной силой. Сквозь блузку я ощутила каменную грудь, бешеный стук сердца и крупную дрожь. Нас накрыло волной густого жара. Ни он, ни я не отстранились.

— Держись за меня... — прошептала я, чувствуя его колючую щеку у своего виска. — Слышишь? Обопрись.

Вцепившись друг в друга, мы добрались до процедурного кабинета. Я усадила его на кушетку. Лицо Ильи было белым как мел, сустав раздулся на глазах, натягивая ткань джинсов.

— Заткнись, Илья, — оборвала я его попытку оттолкнуть меня. — Я десять лет убивала колени на прыжках и знаю этот хруст.

Я достала из морозильника гелевые пакеты и зафиксировала компресс эластичным бинтом на воспаленной чашечке.

Холод притупил боль. Илья откинул голову, закрыл глаза:

— В седьмом матче финала... Наш генеральный занес судьям и велел слить игру за закрытие долгов клуба. Мне предложили тридцать миллионов за симуляцию травмы. Я послал их и вышел на лед. А на девятой минуте свой же защитник влетел мне коньком в опорную ногу

сзади. Связки в ключья. Прессе слили, что я продал матч и сбежал. Никто не стал слушать калеку.

Я сжала пальцы на его плече:

— Я знала. Я пересматривала ту смену сорок раз. Удар был умышленным. Ты не продал финал, Илья. И здесь тебя никто не предаст.

Он открыл глаза — в серых зрачках больше не было брони, только неприкрытая боль.

Через полчаса я перевела его в тренерскую, принесла чай с чабрецом и положила на стол связку ключей с медной рысью:

— Мастер-ключ от арены и физиокабинета. Дядя Миша уже вызвал спортивного врача. Сначала осмотр, потом тренировки. Не вздумай геройствовать в одиночку.

Он перехватил мою ладонь. Хватка была крепкой и бережной:

— Спасибо, Майя.

Впервые по имени. И от этого простого звука по коже пробежала горячая дрожь.

Глава 2

В субботу вечером, после первых дней совместных тренировок, я спустилась в цокольный этаж. Из сушилки, пахнувшей влажной шерстью, потом и камфорой, доносился звон железа и отборный мат.

Капитан Алина Громова стояла посреди комнаты, с размаху пиная расколотый пластиковый наколенник:

— На столичного генерала миллионы нашлись! Перстни с бриллиантами швыряет! А мы в чем играем?! В хламе с помойки! Завтра «Арктика» нам ноги переломает! Я команду на лед не выведу! Бойкот!

— Никто никуда не уходит, — спокойно сказала я, входя внутрь. — Громова, подними экипировку.

Алина скрестила руки на груди:

— Сама поднимай, менеджер. Или покупай новые ССМ к утру, или играй против «Арктики» сама.

Я не стала спорить. В углу на лавке сидела наша девятнадцатилетняя надежда — Снежана Котова, тоненькая девочка с уникальным кистевым броском. Она судорожно натягивала шерстяной гетр на правую ногу, пряча заплаканные глаза.

Я опустилась перед ней на корточки и мягко стянула ткань вниз. В комнате повисла тишина.

Вся передняя поверхность голени Снежаны была сплошной багрово-черной гематомой. Кожа пылала, ткани отекали. Рядом лежал ее щиток — дешевый детский пластик, лопнувший по ребру и перемотанный шестью слоями скотча.

— Две недели ловишь щелчки на скотч? — прошептала я. — Почему молчала?

— Меня бы сняли с игры и вернули в интернат... — всхлипнула девочка. — А у капитана в зоне лопнул наколенник, я ей свой отдала... запасной.

Я поднялась и посмотрела на Громову. Капитан побелела, опустив голову. Бунт испарился.

— Вставайте, — скомандовала я. — Обе за мной.

Я повела их в подвал, к мастерской дяди Миши. Там пахло мазутом, раскаленным металлом и махоркой. Седой мастер точил нож для заливочной машины «Замбони».

— Дядя Миша, открой аварийный склад.

— Не могу, Майка. Свирид сургучную печать налепил и замок повесил.

Я приподняла штанину Снежаны:

— У нее завтра игра за жизнь клуба.

Старик молча взглянул на раздутую багровую ногу. Достал метровую кованую фомку, вогнал под петлю замка и с хрустом вырвал пробой из кирпичной кладки:

— Плевал я на Свирида. Заходи.

Склад был пуст, но в дальнем сундуке обнаружили советские щитки «ЭФСИ-80» с литыми титановыми пластинами и кожаными ремнями.

— Тяжелые, — вздохнула Алина. — Ноги не поднимет.

— Срежем заклепки и снимем титан, — отрезала я.

— А амортизация? Металл кость расколет от щелчка без мягкого слоя, — нахмурился мастер.

Я метнулась наверх и через три минуты вернулась со своими старыми фигурными ботинками «Wiener Eislauf-Verein», привезенными отцом из Вены. Сапожным ножом я вспорола подкладку и выдрала многослойные стельки из микропористой австрийской EVA-пенки, смягчавшей удар.

— Майя Алексеевна... это же ваши коньки... — ахнула Снежана.

— Мне на них больше не прыгать аксели. А тебе — забивать.

Два часа подвал звенел от работы. Дядя Миша грел титановые полосы горелкой и гнул на наковальне по мерке Снежаниной ноги. Я держала раскаленный металл клещами, пока мастер осаживал заклепки молотком. Искры летели на одежду, пахло паленой кожей, но к полуночи на верстаке лежала идеальная гибридная броня: анатомический титан с демпферной пеной.

Снежана со слезами посмотрела на капитана:

— Капитан... возьмите вы... вам нужнее...

Громова посмотрела на мои испачканные графитовой смазкой руки и разбитый палец. Она медленно опустила на одно колено прямо в мазутную пыль и своими руками затянула ремни на ноге девочки:

— Прости, мелкая. Завтра я за тебя любой бросок зубами поймаю. Ты только забивай.

Снежану мы отправили спать. В коридоре у пожарного щита я показала Алине копию контракта Беркутова с нулевой ставкой:

— Он тренирует бесплатно, а перстень отдал в залог за наш лед. Откуда бунт, Алина?

Громова зарыдала, прижав ладони к лицу:

— Помощник Свиридова звонил... Предложил двести тысяч наличными и ставку в фитнес-центре с квартирой, если мы откажемся играть с «Арктикой». Я испугалась, Майя! Матери на лекарства не хватало...

Я крепко обняла ее за плечи:

— Мы своих не сдаем, Алина. Запись разговора есть?

Она достала телефон и переслала мне аудиофайл с номером звонившего. Первый железный вещдок против рейдеров лег в мою папку.

— Завтра в семь утра раскатка, капитан.

— Будем летать, Майя Алексеевна, — выдохнула Алина.

* * *

В 06:45 арена звенела морозным эхом. Зеркало катка блестело под софитами при температуре плюс четыре.

Илья вышел на лед в синем костюме сборной. Он двигался осторожно, скрывая хромоту, но спину держал прямо как струна. Команда выкатывалась вяло, со скепсисом к новому наставнику.

— Свисток — сбор в круге за три секунды! — рявкнул Илья.

Второе звено демонстративно не прибавило шага.

Беркутов стиснул челюсти, поднял профессиональный судейский свисток «Фокс 40» и вдул в него воздух со всей мощностью легких. От бешеного звукового давления и яростного сжатия челюстей ударопрочный пластиковый корпус хрустнул и лопнул. Свист оборвался сухим скрежетом.

В тишине Илья выплюнул расколотый пластик на лед и с хрустом раздавил обломки лезвием конька:

— Плохо со слухом? Еще одно движение не по таймингу — будете жрать снег до полуночи. Бегом ко мне!

Через секунду вся команда стояла перед ним по струнке.

Илья начертил на планшете новую схему:

— Никаких выбросов по стеклу. Игра по борту — трусость. Нападающая подбирает шайбу за воротами, крайний защитник идет в диагональный накат. Система «пять в движении». Ромб.

Защитница Вика ударила клюшкой об лед:

— Нас разорвут на этой диагонали! Если я пойду на дальнюю штангу, зона останется пустой!

Илья подцепил ее клюшку коньком, подбросил в воздух и поймал одной рукой:

— Вас накажут, только если ты уснешь на возврате, Вика. А пока думаешь — десять кругов ускорений вдоль борта. Время пошло.

Вика рванула по кругу.

Они начали отрабатывать броски, но в глазах хоккеисток сквозило недоверие.

— Илья Владимирович, — дерзко крикнула нападающая Полина, — а покажите сами, как бросать без замаха с этой точки на неудобной высоте!

Сустав Илья ныл, но он молча взял клюшку с крюком-лопатой, выкатил шайбу на правый круг вбрасывания и встал боком к воротам.

Он оторвал больную ногу ото льда, удерживая сто килограммов веса на одном левом коньке. Без замаха — только резким рывком мышц спины и кистей — нанес щелчок сокрушительной силы.

ХЛОП!

Звук прогремел как выстрел карабина. Шайба черной молнией прошла воздух, влетела в правую «девятку» и с треском сорвала пластиковый фиксатор сетки к перекладине. Капрон лопнул, пробитый насквозь, шайба с грохотом ударилась в защитное стекло, оставив паутину белых трещин.

Эхо металось под сводами арены. Девчонки замерли с открытыми ртами.

— Вопросы есть? — сухо бросил Илья. — За работу.

Они попытались повторить, но мужской силовой толчок ломал женскую координацию: хоккеистки теряли траекторию и валились на борт.

Я смотрела на это из-за судейской калитки. Пальцы сами потянулись к шнуркам.

Хватит.

Я быстро затянула шнуровку белых фигурных «Эдея», расстегнула пальто, оставшись в черных брюках и водолазке, и мягко выкатилась на лед. Тонкий свист лезвий разрезал воздух.

— Савельева, уйди с площадки, — нахмурился Илья. — У нас хоккей, а не танцы.

— Смотри и учись, тренер, — улыбнулась я.

Я набрала ход за два толчка, ушла в глубокий наклон корпуса внутрь круга и встала на крутое внешнее ребро конька. Центробежная сила прижала меня ко льду, лезвие вырезало в снегу петлю радиусом меньше метра. На бешеной угловой скорости я обогнула воображаемую защитницу, мягко подбила шайбу пяткой левого конька и вложила ее точно на крюк Беркутову.

Глаза Илья расширились. Он мгновенно понял.

Мужской хоккей держится на торможении внутренним ребром. Но низкий центр тяжести и эластичные связки позволяли закладывать глубокий вираж на внешнем ребре без потери хода — защитницы соперника физически не смогут перекрыть такой радиус на пяточке.

— Повтори, — хрипло велел Илья. — Медленно.

Я показала вход трижды, объясняя биомеханику: наклон таза, перенос веса, подсечка.

— Снежана, пошла! — скомандовал Беркутов.

Котова зашла на дугу. На третий раз ее лезвие со звоном вгрызлось во внешнее ребро, тело описало стремительную спираль вокруг стойки, и девочка без замаха с неудобной руки вколотила шайбу под перекладину!

— ДА! — взревела скамейка, колотя клюшками по бортам.

Связка родилась на глазах у всех.

К концу тренировки Илья объявил заминку и тяжело покатился к бортику, держась за планшет. Его лицо было серым от боли в колене.

— Еще двадцать минут... — хрипел он. — Надо закрепить вход...

Я подъехала вплотную и накрыла его тяжелые ладони своими:

— Хватит, Илья. Ты победил. Они поверили тебе. Побереги сустав. Сегодня вечером бой. Он медленно поднял глаза, и напряжение спало с его плеч:

— Ты невероятно катаешься, Савельева. Ладно. Закончили.

Глава 3

В воскресенье в 16:30 арена «Кристалл» гудела, как турбина самолета.

Прямые эфиры Томи и репортажи о титановой броне взорвали городские паблики. На трибунах собралась тысяча зрителей: металлурги с флагами, студенты, родители воспитанниц, старые болельщики. В правительственной ложе сидел Свиридов с бокалом коньяка, поглядывая на золотые часы с улыбкой палача.

На льду разминалась «Арктика» — серебряные призеры ЖХЛ, мощные машины в бело-голубой форме сборниц.

Первый период прошел в яростной борьбе. Соперницы включили ураганный прессинг, но наша оборона стояла насмерть: Алина Громова хладнокровно встречала нападающих на синей линии, перекрывая траектории коньком и сбивая темп. Табло показало 0:0.

А в начале второго периода главный судья Морозов — карманный арбитр Свиридова — начал расправу.

Сначала он выписал две минуты Снежане Котовой за несуществующую блокировку вратаря. Когда Илья в ярости ударил кулаком по борту, требуя объяснений, Морозов подъехал и добавил еще две минуты за неспортивное поведение скамейки.

Мы остались втроем против пятерых: два малых штрафа шли одновременно.

«Арктика» расставилась мгновенно. Два пушечных щелчка с рикошетом — и за сорок секунд две шайбы влетели в наши ворота.

0:2.

Трибуны затихли. В ложе Свиридов с издевкой поднял бокал в нашу сторону.

Сирена на перерыв прозвучала как приговор.

Девчонки ввалились в раздевалку с опущенными головами. Алина Громова уронила лицо в краги и глухо зарыдала:

— Всё бесполезно... Нас просто топят... Свиридов не даст выиграть...

Илья шагнул вперед с побелевшими кулаками, но я опередила его.

Я взяла влажное полотенце, опустилась на колени перед Алиной и заставила ее поднять заплаканное лицо:

— Посмотри на меня, капитан. Посмотри на Снежанину броню — там титан дяди Миши. Послушай трибуны: там сидят рабочие с завода, которые пришли за вас драться! Там стоят девчонки из школы, для которых вы — надежда! Беркутов заложил чемпионский перстень за наш лед! А вы хотите сдать этот каток под склад кирпичей?! Встать! Мы выходим и рвем их!

Алина судорожно вздохнула, в ее глазах вспыхнуло яростное, злое пламя:

— Зубами вгрыземся! Слышали менеджера?! Пошли рвать!

Третий период превратился в побоище.

На двенадцатой минуте Громова щелчком от синей линии с рикошетом сократила разрыв — 1:2! Трибуны зашлись в реве!

Но за пять минут до сирены Морозов снова потянулся к свистку, намереваясь удалить Беркутова до конца игры за брошенную бутылку с водой.

— Тренер Беркутов, матч-штраф за оскорбление судейства!

Я вскочила на подножку скамейки и сунула смартфон с экраном прямо под нос судье:

— Откройте порядок подачи протеста, господин Морозов! На экране — запись предложения купить бойкот нашей команды. Ваша фамилия там тоже звучит: помощник Свиридова обещал, что вы обеспечите нужный счет. Запись и наш протест отправлены в судейский комитет федерации. Еще один заказной свисток — и завтра утром вы сядете за коммерческий подкуп. Свистите честно, или я нажимаю «опубликовать» прямо сейчас!

Морозов позеленел. Кадык на его шее судорожно дернулся, он спрятал свисток в карман и трусливо отъехал в нейтральную зону.

— Снимаем вратаря! — скомандовал Илья за две минуты до конца. — Шесть на пять! Снежана, на пятак!

Настя вылетела со льда. С шестым полевым игроком мы прижали «Арктику» к воротам. За сорок секунд до конца шайба отскочила от борта, и Котова в падении пробила щитки голкипера — 2:2!

Арена взорвалась восторгом! Люди обнимались на трибунах, стучали сиденьями!

Оставалось двадцать пять секунд. Вбрасывание в центре. Алина выигрывает борьбу за шайбу.

Илья перегнулся через борт, закричав громовым басом:

— КОТОВА! МАЙИНА ДУГА! ПОШЛА!

Снежана подобрала шайбу на фланге, заложила тот самый глубокий фигурный вираж на внешнем ребре, буквально стелясь подо льдом, пролетела за воротами мимо опеки и с неудобной руки вколотила шайбу в правую «девятку» под перекладину!

3:2!

И в ту же секунду взревела финальная сирена!

Лед превратился в море счастья: девчонки с визгом бросали шлемы и клюшки, сбивая с ног Котову. Трибуны ревели: «РЫ-СИ! БЕР-КУ-ТОВ!».

Я взглянула на ложу. Свиридов с перекошенным лицом с размаху разбил хрустальный бокал об ограждение и вылетел вон. Лицензия клуба была спасена.

Но Ильи на мостике не было. Трость осталась лежать на лавке.

Сердце кольнуло тревогой. Я прыгнула на лед и побежала в подтрибунный тоннель.

В полумраке у пожарной лестницы, на деревянной лавке, сидел Илья. Он согнулся пополам, вцепившись пальцами в волосы. Штанина была разорвана до бедра. Колено превратилось в сплошной багровый шар. В дрожащей руке он сжимал текущий пакет со снегом, прижимая его к кости. Зубы его хрустели от боли, а по щекам великого бойца катились беззвучные, горькие слезы физической муки.

Я подошла и молча опустила на колени прямо перед ним — на холодный бетонный пол.

Осторожно накрыла его дрожащие кулаки своими горячими ладонями, отобрала растаявший снег и взяла его лицо в руки:

— Ты выстоял, Илья. Мы победили. 3:2. Мы в лиге.

Он попытался отвернуться, пряча слабость:

— Савельева... уйди... не смотри...

— Не уйду, — я заставила его взглянуть на меня. — Я никому не позволю увидеть тебя слабым. Теперь твое колено — моя забота. Я вытащу тебя. Слышишь?

Илья замер. Дрожь утихла. Он медленно опустил свои огромные ладони мне на затылок, запуская пальцы в мои волосы, и с прерывистым выдохом уперся лбом в мое плечо.

В темном тоннеле арены, под далекий победный рев зала, между нами больше не осталось стен.

* * *

Деревянные ступени крыльца глухо поскрипывали под нашими шагами. Вокруг шумел вековой сосновый бор, отделяющий арену «Кристалл» от окраинных жилых кварталов. В сыром воздухе пахло мокрой хвоей, озоном и близким снегопадом. Я повернула тяжелый ключ в латунном замке служебного коттеджа и толкнула створку. Внутри было прохладно, пахло сухой сосновой дранкой и лавандовым мылом.

После осмотра в медпункте Илья шагнул за мной, тяжело опираясь на карбоновую трость. На его плече висел потертый черный баул — всё, что он привез с собой из прошлой московской жизни.

— Я займу мансарду, Савельева, — хмуро бросил он, кивнув на узкую деревянную лестницу. — Я тренер, а не лежащий инвалид, чтобы выселять тебя из спальни первого этажа.

Я перехватила тяжелую лямку его баула, поволокла сумку к дивану у камина и решительно расстегнула замок:

— После матча врач разрешил тебе ехать домой, но никакой мансарды, Илья. Если ты застудишь оперированный сустав — завтра некому будет вести тренировку. Здесь командую я. Располагайся внизу.

Он посмотрел на меня с высоты своих двух метров, и в уголках его губ дрогнула едва заметная усмешка:

— Упрямая ты женщина, Майя. Ладно, командуй.

Он сделал шаг к камину, но правая нога дала сбой — резкий прострел в связке заставил его пошатнуться и опереться ладонью о косяк. Я мгновенно оказалась рядом, подставив свое плечо под его тяжелое предплечье:

— Половицы натерты воском, скользко. Опирайся.

Илья не стал отстраняться. На секунду он перенес часть своего огромного веса на мое плечо, и я ощутила, как расслабились его напряженные мышцы. Он позволил себе быть уязвимым рядом со мной.

— Давай растопим камин, — предложила я. — Дом остыл за день.

Поленья в топке только зашипели, вывалив в комнату клубы едкого сизого дыма — заслонка намертво закисло от сажи. Илья мягко отстранил меня, опустил на здоровое колено, достал перочинный нож и быстро нарезал сухую бересту из корзины тончайшей паутиной. Затем длинной кочергой с глухим звоном выбил сажевую пробку в дымоходе. Тяга с гулом ожила, пламя весело охватило смоляные щепки, и по комнате разлилось сухое смолистое тепло.

Я пошла в подсобку за полотенцами, как вдруг из-за железной двери раздался шипящий гидроудар, а следом — звук лопнувшего металла.

Старый латунный кран бойлера сорвало давлением. Струя ледяной ржавой воды с ревом ударила в потолок, заливая электрощиток. Я бросилась к общему вентилю стояка, скользя домашними туфлями по хлещущему потоку, но заржавевший маховик заклинило намертво. Вода уже переливалась через порог, угрожая паркету гостиной.

В дверях появился Илья. Он мгновенно оценил масштаб бедствия, сорвал шерстяной свитер, оставшись в одной серой футболке, сквозь которую бугрились мощные мышцы спины.

— Вызову аварийку! — крикнула я, перекрывая шум воды.

— До утра будешь ждать, — Илья выхватил у меня телефон, бросил на сухую полку и достал из ящика дяди Миши тяжелый газовый ключ третьего номера. — Посвети фонариком. Прямо на резьбу держи!

Я отключила питание дома на сухом вводном щитке. В резиновых сапогах, по щиколотку в ледяной воде, мужчина, державший в руках Кубок Гагарина, намертво зажал лопнувшую трубу. За десять секунд он накрутил льняную паклю с пастой и мощным рычагом затянул контргайку. Водопад замер. Течь была заглушена чисто и профессионально.

Мы вышли в гостиную. Илья был мокрым до пояса, с темных волос капала вода, а на костяшках пальцев правой руки сочилась кровь от ссадины о кирпичную кладку.

— Ерунда, Савельева, — попытался отмахнуться он. — В плей-офф пальцы ломали — и доигрывали.

— Сиди смирно, — я силой усадила его на стул у камина, принесла флакон с хлоргексидином и бинт.

Опустившись перед ним на колени, я взяла его огромную, мозолистую ладонь в свои руки. Осторожно, дуя на ссадины, промыла порезы антисептиком. Илья замер. Его пальцы дрогнули — не от боли, а от нежности моих прикосновений. Он смотрел на меня сверху вниз, и в полумраке комнаты его серые глаза казались почти черными от вспыхнувшего чувства.

В полночь, когда дом наполнился тишиной и теплом, я заварила чай с сушеным чабрецом и вышла на деревянную веранду. Илья сидел на скамье, вытянув больную ногу и глядя на темные верхушки сосен.

— Посиди со мной, Майя, — тихо попросил он. — В Москве по ночам всегда орал сирены и трещали телефоны агентов. Я пять лет не слышал, как шумят деревья.

Я села рядом, укутавшись в пуховый платок. Плечо к плечу.

— Деревьям всё равно, сколько у тебя кубков, Илья. Главное — есть ли кому подать чай.

Он накрыл мою ладонь своей перебинтованной рукой. Мы сидели в тишине под звездами, слушая ровное дыхание спящей арены.

Глава 4

Во вторник в девять утра парковка перед центральным входом арены звенела морозным солнцем. К воротам с ревом подкатил десятитонный тягач «Скания» с золотистой эмблемой холдинга «Романов-Спорт».

Из высокой кабины прыгнул двухметровый богатырь в расстегнутой дубленке с золотой цепью поверх спортивного костюма — Денис Романов, легендарный тафгай нулевых, а ныне крупнейший производитель экипировки в стране.

— Капитан! — Денис сгреб вышедшего навстречу Илью в сокрушительные объятия, хлопая по лопаткам так, что трещал воздух. — Ну и глухомань ты выбрал для ссылки!

— Знакомься, Денис, — усмехнулся Беркутов. — Майя Савельева, генеральный менеджер. Она здесь хозяйка.

Романов мгновенно подобрался, снял перчатку и галантно прикоснулся губами к моей руке:

— Для вас, Майя Алексеевна, эта фура — безвозмездный целевой грант на развитие женского хоккея. Открывайте ворота!

Гидроборт фуры опустился. Девчонки вместе с дядей Мишей начали заносить в раздевалку коробки с топовыми логотипами «Бауэр», «ССМ» и «Варриор». Воздух наполнился сладким запахом свежей кожи, пластика и заводской смазки.

Денис лично внес продолговатую коробку из синего бархата с золотым тиснением и протянул мне:

— Это спецзаказ Ильи. Из Вены самолетом через Стамбул привезли вчера ночью.

Я открыла крышку, и у меня перехватило дыхание. Внутри лежали профессиональные австрийские коньки ручной работы «Wiener Eislauf-Verein» с лезвиями Gold Seal высшей категории заточки. Размер 37,5 с анатомической поддержкой травмированного голеностопа. Мой размер. Моя давняя, похороненная мечта.

Илья стоял у дверей, глядя в сторону, словно это не имело к нему отношения. Накануне на веранде я рассказала ему о сломанной карьере и своих первых коньках. Он запомнил каждую деталь.

В раздевалке Алина Громова крутила в руках старый шлем с трещиной:

— Мы не просили подачек у столичных миллионеров...

Денис подошел к ней, забрал старый шлем и одним движением широкой ладони смял его в лепешку, бросив в урну:

— Еще раз в этой скорлупе выйдешь под щелчок — останешься без зубов. А ты капитан. Твоя голова клубу целой нужна.

— Надевай, Громова, — твердо добавил Илья. — Мне нужны бойцы в броне, а не мученицы.

Алина прижала сияющий шлем цвета вороненой стали к груди, сглатывая слезы.

Снежана Котова примерила облегченные снайперские краги, но манжеты были жесткими, сковывая кистевой бросок. Сервисмен Дениса развел руками:

— Неделю раскатывать надо.

Я отложила коробку с коньками, взяла строительный фен, разогрела термоформовочную пену на запястьях перчаток и своими руками обжала их точно по тонкой руке девочки. Денис восторженно присвистнул:

— Беркутов, ты где такую женщину нашел?! Она формовку делает чище канадских техников на чемпионате мира!

Раздевалка взорвалась аплодисментами.

В сервисной зоне я попыталась вручить Денису гарантийное письмо:

— Я не могу принять экипировку на пять миллионов просто так.

Денис медленно разорвал бланк пополам:

— В восемнадцатом году под Ярославлем моя машина улетела с моста в ледяную реку. Все проехали мимо. Илья на одной больной ноге выломал дверь ломом и вытащил меня из горящего бензина. Он мне жизнь спас, Майя. Если я возьму с его команды копейку — перестану быть мужиком. Груз оформлен как благотворительный взнос моего фонда. Спи спокойно.

Через час девчонки в новой серебристо-черной форме с изумрудными полосами окружили Илью плотным кольцом:

— Спасибо, тренер!

Суровый Беркутов смущенно кашлянул в кулак и впервые открыто улыбнулся:

— Играть научитесь — тогда спасибо скажете. А пока — шагом марш на лед.

После тренировки дядя Миша торжественно водрузил на стол тренерской противень с горячим пирогом с брусникой и яблоками. Денис обнял Илью за плечи и негромко сказал мне:

— Береги его, Майя. Он пять лет жил как выжженное поле. А сегодня у него снова живые глаза.

Под столом теплая ладонь Ильи нашла мою руку, переплетая пальцы в крепкий замок.

* * *

В среду в час дня метель превратила город в сплошной белесый вихрь.

Дядя Миша тяжело опустился на стул в процедурном кабинете арены, закрывая пустой шкаф для медикаментов. В суставе Ильи после двух дней ударных ледовых нагрузок начался воспалительный процесс. Требовался курс швейцарского хондропротектора «Артро-флекс-Форте» для внутрисуставного введения, но городские базы по звонку Свиридова синхронно заблокировали отпуск препарата. Аэропорт закрыли по метели.

— Есть один канал, — глухо произнес дядя Миша, доставая старую записную книжку. — В закрытом военном госпитале РВСН за городом начмедом сидит мой сослуживец по Афгану, полковник Воропаев. У них в спецрезерве этот препарат есть. Но гражданским вход закрыт, а Свиридов разослал ориентировки своему ЧОПу.

Я сорвала с вешалки дубленку:

— Заводи «Ниву», дядя Миша. До вечера ампулы будут здесь.

На объездной трассе метель хлестала в лобовое стекло. В узком перешейке промзоны дорогу перегородил самосвал с включенной аварийкой. Рядом топтались двое крепких парней в куртках с шевронами ЧОП «Гранит».

Засада.

Я не сбросила скорость. Вспомнив ледовые автодромы, резко дернула ручник с одновременным подбросом руля, заложила управляемый занос по целине обочины, срезала полуметровый сугроб на полном приводе и обошла заслон по лесополосе. Чоповцы в ярости махали кулаками, утопая в снегу, а наша машина вылетела на расчищенную армейскую бетонку.

В цокольном этаже госпиталя пахло карболкой и спиртом. Дежурный майор медслужбы наотрез отказался выдавать медикаменты:

— Без приказа горздрава гражданским выдача запрещена!

Я растегнула дубленку, положила на конторку свое служебное удостоверение эксперта комиссии ОКР и снимок МРТ колена Беркутова с олимпийской печатью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.